

ПАМЯТЬ

Сегодня Андрею Тарковскому исполнилось бы 70 лет. Пустое дело гадать, как бы сложилась судьба, останься он в живых. Может быть, получил бы все регалии киноакадемика, профессора. Его называли бы культовым режиссером. Знаковой фигурой. Юбилей отметили бы с размахом: "Мэтр, патриарх...". Но Тарковский не дожил до наших дней, не увидел новой России. Только время подтверждает, что это был настоящий художник и гений, которого Россия с легкостью потеряла.

Это сегодня страна использует его имя в качестве весомого культурного аргумента. Под его имя открывают фонды, проводят мероприятия. Родственники и неродственники рассказывают о своей близости к нему, и достоверность этого проверить невозможно. Одни ведут себя скромно, другие — наоборот. Но есть один человек, который все это время не размахивал именем Тарковского, как знаменем. Это его единственная сестра — Марина Арсеньевна — может быть, самый скромный член семьи Тарковских.

Филолог по образованию, всю жизнь проработала редактором. Работала, растила детей, ухаживала за стариками... Несколькими годами назад написала книгу воспоминаний "Осколки зеркала" — удивительно трогательную, тихую книгу, без сплетен, обид, тайных подтекстов. Только любовь, горечь и память...

Детство

Андрей был очень необычным человеком, настолько нестандартным, что уже в детстве выбивался из коллектива. Он был очень одарен, и эта его одаренность как бы не находила правильного выхода. Мама хотела, чтобы он стал музыкантом, а именно дирижером. Он даже начал до войны

ЖРЕБИИ

РОДА ТАРКОВСКИХ

"Мама хотела, чтобы Андрей стал музыкантом"

учиться в музыкальной школе, но не было инструментов, и ему приходилось ходить заниматься к соседям. Обладая абсолютным слухом и мог бы стать талантливым музыкантом, но ему не хватало усидчивости. Его надо было бы привязывать к стулу, чтобы заниматься. Образ мальчика в очках, который знает, что должен играть на скрипочке, и обреченно это делает, был совершенно не свойствен Андрю.

Эвакуация

Мне очень запомнилась история с куском торта "Наполеон" в голодном Юрьевце. В нашей школе учились деревенские дети, а в деревнях все-таки жизнь получше была: коровы, молоко, масло. И вот дети принесли к Новому году какие-то продукты, а учителя испекли "Наполеон". Каждому на празднике досталось по такому крошечному треугольничку. Мама принесла два треугольничка домой. Один отдала нам, а другой положила в старинный бабушкин буфет на тарелку. Мы с Андреем подходили к этому буфету, открывали дверцы, нюхали. В конце концов Андрей все-таки не выдержал и говорит: "Давай съедем". И мы его съели. Мама пришла и спрашивает: "А где торт?" — "А мы съели!" Оказалось, что этот кусочек мама должна была отнести заболевшей учительнице, которой не было на празднике. Я, конечно, плакать начала, Андрей тоже перепугался. Но мама была потрясающим человеком. Она нас за такие вещи никогда не ругала, она не любила только лжи и обмана.

Кино

В кино он пришел случайно. Когда Андрей закончил школу — а учился он очень средне, потому что вообще не учился, — решил поступать в институт и учить язык. Я недавно нашла свою собственную записку, в которой пишу маме, что Андрей хочет идти учить английский и делает это зря, потому что все равно он не станет там учиться. Я сейчас удивляюсь своей тогдашней прозорливости, потому что он пошел не на английский, а на арабский факультет Института востоковедения и, конечно, долго там не задержался. Экзамены он сдал туда блестяще, а ведь этот институт был закрытым, там была комиссия, которая "фильтровала" поступающих. Тем не менее Андрея приняли без всякого блата, он даже не состоял в комсомоле. Но, конечно, учиться он там не стал: ему мешала все та же неуусидчивость. Он ведь был человеком стихии...

Через полтора года брат институт бросил. Появились компании, увлечение джазом, стилистическим. Маму это настораживало, она считала это прежде всего бездельем, шатанием с какими-то сомнительными компаниями. И тогда она отправила Андрея в "сылку" в Сибирь. Был такой институт цветных металлов и золота, который искал не только золото, но и алмазы...

Вернувшись из Сибири, Андрей стал думать, что же делать дальше. Именно тогда Дмитрий Родичев (мы были знакомы с их семьей с 47-го года), режиссер-документалист, посоветовал Андрю поступать во ВГИК. Андрей тогда не очень-то и интересовался кино как искусством. И все же решил туда поступить. Ему повезло, что он попал именно на курс Михаила Ильича Ромма. Мы все были очень довольны, и папа тоже. Ведь судьба Андрея волновала нас всех.

Первый успех

Во-первых, мы все знали, что он работает над дипломом, над фильмом "Каток и скрипка". Писался сценарий, обсуждалась какие-то вещи, к нам до-

мой приходил оператор Юсов — мы все варились в одном котле с Андреем, жили его интересами, его занятиями. Конечно, когда вышел фильм, очень радовались. И каждый его фильм мы принимали как должное. Фильм "Каток и скрипка" был очень мощной заявкой. Свежей по изобразительным средствам. Когда я работала в архивах и читала протоколы обсуждения фильмов, в частности "Каток и скрипка", видела, как молодой начинающий режиссер отстаивал буквально каждый кадр, каждый музыкальный номер, все, к чему придирались критики. У него всегда было свое видение того, как должен выглядеть фильм, какой должна быть его картина, и мнения других людей его не интересовали.

Отъезд

Я думаю, что, когда он уезжал, у него уже было намерение остаться, но мы не могли этого даже предположить. 4 марта 1982 года Андрей устроил прощальный вечер на Мосфильмовской,

Марина и Андрей.

все мы приехали, но, честно говоря, в голову никому не могло прийти, что мы Андрея уже больше не увидим.

Судя по его дневникам, изданным за границей, ему было очень трудно остаться. Сначала он пытался остаться в Швеции, но у него не хватило сил, очень беспокоился о судьбе своих близких, оставшихся в Москве...

Когда я смотрю документальные кадры, снятые 10 июля 1984 года — у него была какая-то пресс-конференция, — не могу без боли смотреть на лицо брата, потому что это лицо человека, который совершает поступок против самого себя. Это видно и по его руке, которая тербила шариковую ручку. Андрей понимал, что этот поступок может обернуться и против нас, его родных. Ведь он не знал, что через год уже все изменится в России, что откроется граница. Если бы он подождал год, не торопился бы с этой пресс-конференцией, не было бы того страшного стресса, который он пережил.

Папа получил письмо от Андрея, которое, судя по его стилистике, было адресовано не папе, а, скорее, тем, кто его будет читать. Он знал, что письмо прежде всего попадет в специальные органы. Очень странное письмо. (Я позже написала рассказ, который так и назвала: "Странные письма".) В нем Андрей пишет, что не собирается навсегда покинуть Россию, что он обязательно вернется. И папа меня попросил ответить. Я ответила в духе этого письма. Я написала, что "мы понимаем, что все эти разговоры о том, что ты хочешь остаться, просто сплетни, и мы знаем, что ты любишь свою родину. Так же, как любил ее папа, когда пошел на фронт, так же, как любил ее дедушка, народолюбец". Получилось такое высокопарное письмо, но с той мыслью, что его кто-то будет читать.

Могила

В Париже говорили, будто Андрей не хотел быть похороненным на родине. Может, он и на самом деле сказал, что ни живым, ни мертвым не хочет возвращаться сюда. Но в его дневниках встречаются такие записи, от которых просто болит сердце. Он как-то написал, что ему снился сон, будто на берегу большого озера стоит монастырь и что это — Россия. Конечно, то, что случилось с Андреем, — трагедия. И не только для нашей семьи, но и для России, потому что Андрей был режиссером мирового уровня и он добавлял не только валюты в российскую казну, но и славы русскому искусству.

Судьба рода

Мой отец-поэт и мой брат-режиссер имели трудную судьбу. Это закономерность на уровне рода. Наверное, какие-то гены, которые передаются, и неважно, когда живет человек. В царской ли России, как мой дедушка, в советской ли, как мой папа и Андрей. Этими родовыми свойствами и обусловился их характер, образ мыслей, поступки, в конце концов. Они нигде не могли бы быть конформистами, ни в каком обществе. Они всегда выбивались бы из общего ряда, они всегда были бы непокорными. И если говорить о предках, то наш дедушка, из обеспеченной, зажиточной семьи, стал народолюбец. Что его заставило встать на сторону всех униженных и немощных? Что заставило его стать революционером? Просто неспособность ужиться с данными обстоятельствами. Опять же, что заставило папу пойти на фронт, когда он мог спокойно отсидеться в тылу, что и делали тысячи людей? Я думаю, эти общие черты характера, присущие всем Тарковским.

Беседовала Елена ГНЕДОВСКАЯ.

252